

Наталья Бекетова

Кандидат искусствоведения

Профессор кафедры истории музыки

Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова

Стихо-творения [1]

Все, что хочу, могу сказать стихами,
Не увязая в повседневном хламе
Бессмысленной житейской ерунды.

Увязнуть в нем мне Слово не дает.
Оно всегда ведет, всегда живет,
И в полноте реальности прекрасной
Всегда предоставляет выбор ясный –
Какие и на что – принести труды.

Ведь дело не в количестве дотаций
И ни к чему мне кипы диссертаций,
Чтоб угадать томление воды,
Стремящейся из лужи морем стать.
Иль назначенья тайные сыскать
В извивах гор. Чтоб плотью осязать
Бесчисленные сонмы трансформаций
Живой природы. Чтобы сердцем знать
Людские дни... Возможно ль сосчитать
Души родной трепещущие струны?
Сокрыты где неведомые руны?
Где мера Истины?
- Не верю, не бывает
Такой науки. О душевной муке
И нежности, что землю обнимает,
Расскажут лишь божественные звуки.
Чем их измерить? Видно, прав поэт:
Ведь и любовь – мелодия. И нет
Другого исчисленья мирозданью.

Войти в алтарь, и к тайнам созиданья

Приникнуть - только посвященный,
Пронзительным глаголом наделенный,
Допущен. Слово, звук и цвет -
Ключи волшебные, которыми поэт
Божественный источник открывает,
Чем Высшее задание решает:
Изведать Тайну, плотью оживить,
Ей имя дать и людям подарить.

* * * * *

Из цикла «Приношение Рахманинову»

СОН

(Сергей Рахманинов: антология пророчества)[2]

«И у меня БЫЛ край родной» ...
Откуда ведал этот мальчик,
Что будет так, а не иначе,
Что путь изгнания предназначен,
Что будет навсегда утрачен
И дом, и парк. И рай земной,
Пригрезившийся в сновиденьи,
Запечатлеет – на века -
Душистый паморок сирени:
Дыханье счастья. А пока –
«О, не грусти, мой друг, по мне» -
С небес живой слезой прольется.
И сострадание дается
Тому, кто жив... И обойдется
Душа мучительным предвестьем.
Что будущее – только в прошлом -
Поется в очень юной песне.
Любви и Смерти, и Судьбе
Сопротивленья невозможно;
«Не пой, красавица, при мне»!

И зашифрует вязью нотной,
Что «Островок» был - «Остров мертвых».
И голос «свадьбы золотой»
Аккордом мрачным отпеванья

Прощением – навек прощаньем
С пугливым счастьем – отомрет.

Что это все – произойдет.

Что сердце болью изведется
В огне бунтующей стихии,
Что в танках музыка вернется
На землю русской литургии.

Что грани мира перейдет
Великий дух. Напев простой
Про ясные глаза сирени
Непостижимо приведет
Его к последним откровеньям.

Когда уже дрожали руки
И пальцы мощные немели,
Сиренью расцветали звуки,
И в тон ивановской капели
Натруженные струны пели.

И Песнью возвращался он
Домой. И колокольный звон
Приветствовал Родного сына.
И гасло марево чужбины,
И растворялася кручина
В больной груди...

«Но то был сон...»

* * * * *

Из цикла «Мой Пушкин»

МОЙ ПУШКИН

Я в ритме Пушкина пишу.
Сказав так, вовсе не грешу
Смешной гордыней - признаюсь,
Что с детства знаю наизусть
Его ритмический портрет.
«Мой Пушкин» - так любой поэт
(И не поэт) – спешит сказать.
И прав: роднее не сыскать
Меж тем, что возгревает ум,
«Волшебных звуков, чувств и дум».

«Мне лира редко ум тревожит
Мое призвание в другом» [3] -

Сей детский опус мне поможет
Сегодня утвердиться в том,
Что все под Пушкиным случилось,
Что с ним судьба ко мне явилась,
И с ним собой я становилась,
В родное лоно, в отчий дом
Благоговейно возвращаясь
И Вестью братской укрепляясь:
«Но если сердце мое гложет
Рой чувств иль мыслей жаркий ком -
Берусь за скудное перо.
К тебе оно обращено».

Любовь и дружество поэта
Согрели мир воздушно-светом,
Где сердце юное возрастало,
Творенья радость узнавало
В глубины жизни проникало,
И к различенью привыкало.
Мой первый опус был про это
И назывался – «Смерть поэта».

«...Земли, сей матери прекрасной
Красот едва ли обозреть:
Есть всё для истинного счастья,
И есть поэты – счастье петь...»
Но – « не читать нам те тетради,
И не взглянуть уж в лица нам
Тех, кто погибли в Сталинграде,
И тех, что гибнут за Вьетнам...»

Так меты времени означив,
Не мог постичь незрелый ум
Творца космической задачи,
Превратно в зеркале страстей
Земного века отраженной.
Что человеческой свалки шум,
Мембраной сердца преломленный,
Чреват бедою всех мастей.
Что жертвой всюду будет лучший –
Затем и нужен «тг. Случай».

Всегда найдется «мелкий бес»
И в Пушкина, презрев уставы,
Всегда готов стрелять Дантес.
Сальери уж кропит отраву...

Искать здесь «правых» и «неправых»
Бессмысленно; судьбы-подставы
Не пронизает сердце нежно
И попаданье – неизбежно.

Но, поздней мудростью ведома,
В себе я помню эту боль.
Как глас поэтава бездомья
Звучит то юное «доколь»:
«...Доколь начала жизни нашей,
Где царствуют любовь и свет,
Пребудут новой злобной чашей,
Чьей новой жертвой – пал поэт?...»

Звездою Пушкина хранима,
Вертится матушка-земля
Клубы отеческого дыма
Развеются, золой пыля.
Пусть покорежены и ржавы
«Железки слов» в руках менял,
Законов Творческой Державы
Еще никто не отменял.

Любовно бытию внимая,
Изыскан, ловок, смел и прям,
Упругой поступью играя,
Зовет четырехстопный ямб.

Под голубыми небесами
Великолепными дарами
Нас осеняют вновь и вновь
Плоды поэтава раденья -
«И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано в издании: Ростовская консерватория: события, лица. 2009. Приложение к «Южно-Российскому музыкальному альманаху». – Ростов-на-Дону, 2010.
2. Стихотворение построено на аллюзиях к сочинениям Рахманинова «русского периода»: ор.4№4, ор.8№5, ор.14№№2 и 8, ор.21 №№1 и 5, ор.29, ор.35.
3. Здесь и далее используется материал первого стихотворения автора 1967 года.